

Полемика о несовместимости христианства с патриотизмом в Японии в конце XIX в.

А. Д. Бертова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Бертова А. Д. Полемика о несовместимости христианства с патриотизмом в Японии в конце XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 2. С. 393–405. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.214>

В статье рассмотрены основные этапы антихристианской полемики конца XIX — начала XX вв. и ее воздействие на японское христианское сообщество. Конец XIX в. стал сложным периодом для японских христиан. На смену политике всестороннего заимствования элементов западной культуры и проводимых правительством либеральных реформ пришло усиление националистических тенденций. Это стало особенно заметно после опубликования в 1889 г. консервативной японской Конституции и в 1890 г. — Императорского рескрипта об образовании, утверждавшего божественное происхождение японского императора и священный характер его правления. В это время в стране, в первую очередь в буддийских кругах, усилились нападки на представителей христианского сообщества. Их обвиняли в отсутствии патриотизма и лояльности по отношению к правительству, шпионской деятельности, стремлении развалить устои японского общества, сложившиеся с незапамятных времен. Эти упреки поставили японских христиан в весьма сложное положение и заставили оправдывать свою точку зрения и догматы своей религии перед японским правительством, что привело к ожесточенной полемике между двумя лагерями — христианским и нехристианским, представленным в первую очередь буддийской интеллигенцией, среди которой особенно выделялись Иноуэ Энрё и Иноуэ Тэцудзиро. Этот конфликт затронул все основные христианские конфессии и в итоге повлек за собой весьма печальные последствия для представителей христианского сообщества, заставив многих из них впоследствии встать на путь конформизма и поддержать экспансионистскую политику властей и захватнические войны на континенте.

Ключевые слова: Япония, христианская Церковь, патриотизм, национализм, государственный синтоизм, преданность императору, конфуцианство.

Введение

В конце XIX в. христианство в Японии переживало весьма напряженный период развития. После активного заимствования элементов западной культуры и стремительного распространения христианского учения в ходе первой волны преобразований эпохи Мэйдзи (1870–1880) в стране наступило время переосмысления прежней политики. С укреплением Японского государства нужда в культурных заимствованиях и западных специалистах, до этого внесших значительный вклад в модернизацию страны, стала уменьшаться. Изменилось и отношение к христи-

анству — если на первом этапе оно воспринималось как неотъемлемая часть продвинутой западной культуры, двигатель ее прогресса [1, с. 138], то теперь утратило свой авторитет в связи с активным проникновением в Японию западных научных теорий и либеральных христианских течений, конкурирующих с традиционным христианством и дискредитирующих его в глазах японцев [2, с. 39]. Скорее, христианство стало восприниматься как инструмент пагубного влияния Запада, несовместимый с новой японской идеологией.

Целью данной статьи является рассмотрение причин негативного отношения к христианству в конце XIX в., анализ основных этапов развития антихристианской полемики этого периода, приведшей к открытому конфликту между христианской и буддийской интеллигенцией, а также ее дальнейшего влияния на японское христианское сообщество.

Создание идеологического стержня нации

Революция Мэйдзи (1868), формально вернувшая императору всю полноту государственной власти, ранее консолидировавшейся в руках военного правителя — сёгуна, повлекла за собой целую череду масштабных преобразований, коренным образом изменивших японское общество и превративших Японию в развитую экономическую и военную державу. Для обеспечения солидарности всех слоев населения необходимо было выработать общую идеологию, которая сплотила бы людей, ранее воспринимавших себя в первую очередь не как жителей Японии, а как обитателей отдельных княжеств. Кроме того, нужно было дать народу какую-то духовную опору, которая помогла бы японцам сохранить национальную идентичность.

Укрепление власти императора неминуемо должно было быть связано с поднятием престижа синтоизма, во многом утратившего свой авторитет в период сёгунского правления. Однако при этом синтоизм как государственная идеология должен был быть обогащен за счет других учений и концепций, так как сам по себе не обладал объединяющей и поощряющей саморазвитие государства функцией в необходимой степени. Поэтому созданная в итоге идеология стала не возвращением к синтоизму прошлого, как это официально заявлялось, а новым, отчасти связанным с привычной конфуцианской идеологией, а отчасти отвечающим требованиям западной политической мысли конструктом. В его рамках основная роль отводилась фигуре императора, который выступал не только как первосвященник синтоизма и потомок солнечной богини Аматэрасу, но и как облеченный всеми возможными моральными добродетелями конфуцианский государь, а также как продвинутый и современный монарх в европейском духе. В результате соединения синтоистских представлений о божественности японского императора, конфуцианских идей об устройстве идеального государства, в котором правитель является одновременно и любимым отцом своим подданным, с западными концепциями современного государственного управления и контроля был создан так называемый государственный синтоизм (*кокка синто*), ставший государственной идеологией Японии вплоть до окончания Второй мировой войны (подробнее см.: [3, с. 42–54]).

Важнейшими вехами на пути оформления идеологии государственного синтоизма были принятие в 1889 г. консервативной Конституции Мэйдзи, не ограничившей, а укрепившей положение монарха и фактически даровавшей ему абсолютную

власть, а также опубликование в 1890 г. Императорского рескрипта об образовании (*Кёйку-ни кансуру тёкуго*), официально обозначившего божественность монарха и необходимость для японских подданных защищать императорский престол, даже если ценой этого будет жизнь (подробнее текст Рескрипта см. в [4, с. 7–8]). С 1891 г. во время государственных праздников Рескрипт в обязательном порядке зачитывался в школах, а текст его печатался в школьных учебниках [5, с. 13].

Начало антихристианской полемики

Именно в этот период усилились нападки на христианство. Японское правительство хотело показать, что оно принимает продвинутое политическое, военные, экономические научные достижения Запада, однако при этом выступает с позиции совершенно иных морально-этических оснований — позиции государственного синтоизма.

Почувствовав уязвимость христианства, на него ополчились некоторые известные представители буддийских кругов, желавшие укрепить свое положение. Сразу после революции Мэйдзи, когда новая идеология еще только формировалась, было решено очистить синтоизм, ассоциировавшийся с поднятием императорского престижа, от буддийских наслоений, которые он приобрел за многие века синкретического сосуществования. В результате на буддистов начались гонения (*хайбуцу кисяку*), а синтоизм насильно стал освобождаться от буддийских элементов. Хотя в итоге это не привело к ожидаемым результатам и вскоре все вернулось на круги своя, буддисты получили чувствительный удар по своему престижу. В конце XIX в., решив усилить собственное положение и переключить внимание властей на другого врага, отдельные деятели буддизма развернули в печати антихристианскую кампанию, целью которой было доказать, что христианство противоречит государственной идеологии и политике.

Наиболее активными обвинителями христианства стали Иноуэ Энрё (1858–1919) и Иноуэ Тэцудзиро (1855–1944). Первый был представителем буддийской интеллигенции, философом и деятелем образования, основателем японского Философского общества по исследованию западной философии, одним из основателей консервативного и связанного с высшими политическими кругами издательства Сэйкёся. Второй — первым собственно японским профессором на философском факультете Токийского университета, влиятельным и авторитетным человеком среди членов японского правительства. Антихристианские выступления в начале 1890-х годов вынудили христианское сообщество защищаться от обвинений, что стало для японских христиан неожиданным и серьезным ударом.

Начало ожесточенным спорам о совместимости христианства с базовыми японскими ценностями было положено серией работ Иноуэ Энрё, выпущенных во второй половине 1880-х годов. Одним из самых известных является труд «Рассуждение о политике и религии в Японии» («*Нихон сэйкёрон*», 1889), вышедший одновременно с провозглашением первой японской конституции 1889 г., оказавшей огромное воздействие на все слои японского общества. Эта конституция в значительной степени перекликалась с прусской, особенно в вопросах сохранения власти императора, и совсем не была либеральной. Одной из задач введения Конституции была демонстрация Западу того прогресса, в частности в политической сфере, которого

Япония достигла за прошедшие после революции Мэйдзи двадцать лет. В ней была статья о свободе вероисповедания, номинально ставившая христианство на один уровень с японскими традиционными религиями. Иноуэ Энрѐ в своем «Рассуждении...» решил выступить против этой статьи, написав, что в страну проникает иностранная религия, которая приходит из Америки и Европы вместе с западными обычаями и страстями. Ее распространение не может остаться незамеченным со стороны местных учений, которые дают ей яростный отпор. Впоследствии все это может привести к конфликтам и столкновениям, расшатывающим общество [6, с. 51]. Интересно, что основными причинами конфликта с христианством Иноуэ считал то, что оно нарушит контроль, под которым в настоящее время традиционные учения держат «глупые массы», эти массы взбунтуются и подорвут существующую систему и политический порядок [6, с. 57–58]. Кроме того, он полагал, что триада учений (синтоизм, буддизм и конфуцианство) сформировала в Японии тот особый дух, благодаря которому японцы вообще могут называться японцами и будут способны сохранить свою независимость от Запада [6, с. 57–58]; христианство же этот дух подрывает и разрушает сложившуюся в стране гармонию.

Философские идеи Иноуэ Энрѐ во многом испытали на себе влияние западных философских концепций, в частности теории эволюции, которые были смешаны в его интерпретации с буддийскими. Так, он полагал, что существует некая единая истина, к которой в процессе своего развития неминуемо движется человек и общество. Об этой истине, в лоне которой все придет к состоянию тотальной гармонии, говорят японские традиционные учения, однако христианство, пестующее свободу воли, этой истине противоречит, т. е. оно ложно [7, р. 140–142].

Эти идеи оказали значительное влияние как на отношение к христианству в целом, так и на концепции других известных буддийских деятелей, в частности на Иноуэ Тэцудзиро, который считается одним из главных оппонентов и гонителей христианства в конце XIX в.

Поводом для антихристианских выступлений последнего стало обнародование в 1890 г. Императорского рескрипта об образовании (*Кёйку-ни кансүру тёкуго*), который знаменовал собой окончательный поворот Японии к консервативному националистическому курсу. Рескрипт призывал японских подданных культивировать в себе преданность императорскому престолу, быть готовыми ради императора пожертвовать всем, только чтобы трон оставался на века незыблемым [8]. Текст этого указа, в котором было всего 315 иероглифов, занимающий не больше страницы, был так важен, что Министерство образования посчитало необходимым создать официальный комментарий к этому документу, для чего был приглашен профессор Токийского университета Иноуэ Тэцудзиро. Последний в рамках своего масштабного комментария выразил также и собственные взгляды на то, какими должны быть японские подданные. Изначально Иноуэ Тэцудзиро отличался негативным отношением к христианству, которое не преминул выразить в комментарии («Тёкуго энги»). Текст комментария впоследствии часто цитировался им для нападок на христианство [7, р. 142–143].

В предисловии к своему комментарию Иноуэ отметил, что из всех стран Азии только Япония может противостоять Западу, однако это означает, что она со всех сторон окружена врагами. По этой причине в самом комментарии философ утверждал, что для противостояния внешней угрозе просто необходимо единение

людей [7, p. 143]. Так, в Рескрипте есть следующий пассаж: «Наши подданные, всегда объединенные преданностью и сыновней почтительностью, из поколения в поколения демонстрировали красоту этих добродетелей». Иноуэ комментирует это так: «Государство должно быть одним телом, и это тело должно исповедовать единую доктрину. Ни в коем случае нельзя создавать два или три разных настроения у народа» [9, с. 10]. Далее Иноуэ пишет о том, что если простой народ и аристократы будут преданны своему монарху и почтительны к своим отцам, то в обществе будут высокие моральные стандарты. Следовательно, если в мире есть учения, которые противоречат этой истине, то Япония ни в коем случае не должна их изучать или интересоваться ими [9, с. 12].

Несомненно, намек тут делался именно на христианство, которое в течение многих лет упрекали в недостаточном следовании идеалам сыновней почтительности и преданности сюзерену из-за приверженности христиан в первую очередь Богу. Такие нападки были не новы, однако, как отмечает исследователь К. Парамор, впервые они распространялись через официальный документ Министерства образования такого высокого уровня, что не могло не повлиять на отношение к христианству в японском обществе [7, p. 144].

Еще один упрек в сторону христианства можно было прочитать в комментарии Иноуэ на пассаж рескрипта о том, что все японские подданные должны «протирать свою любовь и благоволение (*хакуай*) на все сущее». Иноуэ отмечает, что благоволение ко всему не одинаково, а имеет свои градации. Например, если человек отбросит свою семью и будет лучше относиться к чужой или же будет любить чужую страну больше, чем свою, то это будет противоречить идее «распространения любви на все». Если же человек не будет видеть разницы между теми, кто ему более близок, а кто далек, кто родной, а кто чужой, и будет любить жителей всех стран без какой бы то ни было градации, то его стремление к преданности и патриотизму исчезнет. Поэтому необходимо в любом случае прежде всего ставить долг служения императору и своей стране [9, с. 69–70]. В тексте рескрипта сочетание «любовь ко всему» никаким образом не определяется и не ограничивается, однако Иноуэ добавил ему в своей интерпретации политическую составляющую и сузил рамки его употребления.

Таким образом, предложенный Иноуэ комментарий к рескрипту отличался гораздо большей резкостью формулировок и более сильным националистическим и антихристианским колоритом, нежели сам Рескрипт, выдержанный в довольно умеренном духе и призывающий прежде всего культивировать в себе базовые конфуцианские добродетели, любовь к стране и императору и развивать на благо страны свои способности¹. Признанная официальным комментарием, работа Иноуэ была разослана по всем важнейшим учебным заведениям страны вместе с копией Рескрипта, поэтому несомненно повлияла на общий фон отношения к христианству.

¹ Любопытно, что сам текст Рескрипта был весьма благосклонно принят членами христианского сообщества. Так, в частности, основной журнал Японской православной церкви, «Сэйкё симпо» («Православный вестник»), напечатал в номере 239 за 1890 г. на первой странице текст Рескрипта, снабдив его весьма восторженным отзывом с упоминанием о том, что Японская православная церковь даже провела в день опубликования указа богослужение, исполненное благодарности Господу, во время которого молилась за императорскую семью [10].

Основной ход антихристианской полемики и ее результаты

Поводом для начала открытой обвинительной кампании против христиан стал инцидент 1891 г., когда известный христианский деятель Утимура Кандзо проявил неуважение к императорской особе. Копии Императорского рескрипта об образовании были разосланы по учебным заведениям страны, и предполагалось провести специальные собрания по чтению текста указа и поклонению свитку, на котором он был написан. Так как император считался божеством во плоти, все, что исходило из его уст, считалось священным и требовало религиозного поклонения. Японские христиане, преподававшие тогда в Токийском университете и связанных с ним заведениях, оказались перед непростым выбором — им предстояло либо поклониться указу, являющемуся символом государственного синтоизма, либо отказаться от этого и навлечь на себя гнев властей. Среди этих христианских преподавателей был и христианин Утимура Кандзо, работавший преподавателем в Токийской первой средней школе высшей ступени (*Токё дайити кото тюгакко*). В назначенный для поклонения день он, единственный из всех преподавателей-христиан, явился на собрание — остальные сказались больными и избежали таким образом необходимости кланяться. Когда подошла очередь Утимуры, он после некоторых колебаний сделал короткий кивок головой, который в его интерпретации означал уважение к императору, но не поклонение ему [11, р. 51]. После этого разразился скандал, в результате которого Утимура был обвинен в неуважении к императору и уволен, а большинство его сотоварищей-христиан отвернулось от него, восприняв кивок в сторону указа предательством христианских идеалов. Одним из немногих, кто поддержал его, был Уэмура Масахиса, один из наиболее влиятельных христианских лидеров своего времени. Он опроверг обвинения в том, что христианство несовместимо с почитанием императора, написав, что с радостью бы поклонился в знак уважения самому императору, однако считает совершенно несостоятельным ритуал поклонения свитку с императорским указом [11, р. 51–52]. После опубликования этих слов Уэмуры власти запретили редактируемую им газету «Фукуин сую», которая напечатала это заявление, однако Уэмура продолжал писать статьи на эту тему, просто изменив название газеты.

Этот эпизод показал, с одной стороны, шаткость положения христиан в изменившейся обстановке, а с другой — еще не устоявшееся отношение к ценностям новой идеологии. Это событие имело серьезнейшие последствия для японских христиан. Пресса практически уничтожила Утимуру Кандзо: после инцидента в различных изданиях появилось более 50 статей и 200 эссе, клеймящих его поступок, в которой Утимуру называли, в частности, китайским бандитом и животным [7, р. 146–148]. Однако из огромного числа публикаций, посвященных его неблагоприятному поступку, лишь немногие затрагивали вопрос его вероисповедания, т. е. в 1891 г. нападки на христиан как религиозную группу были еще не так сильны. Тем не менее инцидентом чуть позже воспользовались те, кто считал христианство своим основным врагом, в том числе и уже упомянутый Иноуэ Тэцудзиро.

Новый виток антихристианской полемики начался в конце 1892 г., когда дебаты относительно поступка Утимуры уже сходили на нет. В этот момент Иноуэ

Тэцудзиро выступил с публичной речью, напечатанной в журнале «Кёйку дзи-рон» («Обсуждение актуальных вопросов образования»), в которой заявил, что японская нация и христианство совершенно несовместимы [7, p.148]. Это сразу переключило внимание с индивидуального поведения Утимуры на христианство в целом, поставив крайне неприятный для последнего вопрос о его противоречии идеалам современной японской нации.

В начале 1893 г. Иноуэ начал создавать серию эссе под общим названием «Столкновение образования и религии» («Кёйку то сьюкё-но сётоцу») [12], где продолжил уже высказанную ранее мысль о несовместимости христианства с Японией и об антинационалистическом и антипатриотическом характере христианства. Выход этих работ имел огромный резонанс в обществе и в интеллектуальной среде и послужил началом гораздо более серьезной кампании против христианства.

В предисловии к своей книге Иноуэ отметил, что в Японии, как и в Европе, с древних времен существовала своя особая национальная этика и свои представления о морали. Она отражена в Рескрипте и является основой японской системы образования. Поэтому христианство и Рескрипт оказываются изначально несовместимыми из-за того, что они произрастают из совершенно различных моральных корней [9, p.115].

Иноуэ утверждал, что христианство противоречит исконным японским учениям — синтоизму, буддизму и конфуцианству — и обозначил четыре пункта, в которых эта несовместимость очевидна, которые позже были не раз использованы в антихристианской полемике:

1. Императорский рескрипт об образовании утверждает высшую ценность государства, т.е. он националистичен, а христиане считают всех людей равными перед Богом, т.е. их идеи непатриотичны и антигосударственны.

2. Императорский рескрипт фокусируется на актуальных социальных вопросах, а христиане — на туманном будущем и потустороннем мире, поэтому Японии они не нужны.

3. Рескрипт говорит о необходимости для японцев любить все сущее, однако эта любовь имеет свою градацию и начинается со своих родителей и своей страны, а потом уже переходит на других людей и другие страны, т.е. она «дифференцированная» (*сабэцутэки ай*). Христиане же проповедуют недифференцированную любовь ко всем, которая приводит к обесцениванию собственной семьи и страны. Такая любовь похожа на проповедуемую в свое время Мо-цзы, и она была заклеена в классических конфуцианских сочинениях Мэн-цзы.

4. Рескрипт представляет собой «основу общественной морали», выраженной в первую очередь в добродетели сыновней почтительности, однако христиане игнорируют эту добродетель и подрывают основы общества [13, с.153–154].

Таким образом, лейтмотивом обвинений Иноуэ против христианства было то, что оно происходит из «другого морального корня», нежели традиционные религии, т.е. оно «чужое» и может нарушить их доминирующий характер, внести разногласия в ряды японских подданных, неминуемо стать причиной социальных раздоров; кроме того, за счет представления о равенстве людей перед Богом оно уничижает ценность своего государства и своего монарха, а также может угрожать сохранению того сложившегося порядка и той иерархии, которая существует в современном японском обществе.

Аргументы Иноуэ были подхвачены многими его единомышленниками. Христиан начали обвинять в том, что эта западная религия требует от своих адептов отказа от лояльности по отношению к императору и не соотносится с патриотическими чувствами японских подданных.

В частности, среди них был Васио Дзюнкэй, который в своей работе «Как христианство подрывает основы государства», пытаясь дать свой комментарий термину «любовь ко всему сущему», сказал, что истинной любовью ко всему является не христианство, а именно национализм, доктрина, основанная на патриотизме. По его мнению, счастье мира состоит в счастье всех стран, в него входящих; а этого счастья можно достичь только в случае, если каждая из стран будет культивировать свою уникальность. То есть любовь к своей стране во всемирном масштабе приведет к общему счастью, и именно это и будет настоящей любовью ко всем людям. Таким образом, национализм основывается на самом деле на филантропической концепции (цит. по: [7, p. 153]).

Атаки Иноуэ Тэцудзиро не остались без ответа — многие японские христиане попытались так или иначе отреагировать на его обвинения. Против них в периодической печати решительно выступили такие известнейшие протестантские лидеры, как Ёкои Токио, Хонда Ёицу, Уэмура Масахиса, Кодзаки Хиромити, Миягава Цунэтэру, а также Такахаси Горо [13, с. 154], вступивший в настоящую полемику с Иноуэ Тэцудзиро.

В 1893 г. Такахаси Горо издал книгу под названием «Отрицание ложной философии» («Хайги тэцугакурон») [14], в которой подверг сомнению квалификацию Иноуэ Тэцудзиро и уровень его образованности, прямо отметив, что «ученым» назвать его нельзя. После этого Такахаси раскритиковал различные высказывания и суждения Иноуэ о европейских языках и культуре [14, с. 1–9], а затем перешел к опровержению его заявлений о несовместимости христианства с духом Рескрипта. Так, он заявил, что в Рескрипте нет ни слова про национализм или индивидуализм, а говорится про базовые моральные ценности, своего рода «моральное завещание императорских предков», которые были присущи японцам издревле и бережно ими хранимы. Что касается заявления об антинационалистическом характере христианства, то оно демонстрирует полное отсутствие у Иноуэ способности проводить разделение между религией, моралью и политикой, а если Иноуэ ведет разговор в таких терминах, то можно спросить у него, какой же позиции в отношении государства изначально придерживается буддизм [14, с. 9–10]. То же можно сказать и о заявлении Иноуэ о том, что политеистический буддизм стремится к общей гармонизации общества, а монотеистическое христианство вызывает в стране раздоры — здесь он опять же демонстрирует непонимание истории развития буддизма в Японии, его истинной сущности, а также смешивает религию, мораль и политику. Сам же Такахаси описывает христиан как обладающих совестью, ценящих истину, почитающих Господа, заботящихся как о вечном, так и о насущных проблемах современности, отрицающих поклонение идолам в виде божеств природы, преданных своему государю, почтительных к своим родителям, любящих свою родину [14, с. 25–26].

На обвинения Иноуэ ответили даже предпочитавшие долгое время воздерживаться от политических высказываний и начинаний японские католики. Так, священник Маэда Тёта (1867–1939) опубликовал в 1893 г. статью под названием

«Государство и религия» (*Кокка то сюкё*), в которой пытался доказать, что единственным истинным основанием государства является христианство, однако из-за резкости использованных выражений его работу тут же запретили [11, р. 42]. Православные японцы также критиковали Иноуэ со страниц журнала «Сэйкё симпо», обвиняя его в непонимании христианских доктрин².

Стоит отдельно отметить причину яростного возмущения по поводу обвинений Иноуэ и его соратников со стороны представителей христианского общества. С одной стороны, несомненно, посеянное им сомнение в лояльности христиан оказывало прямое влияние на прочность их положения в японском обществе и популярность христианской религии. Однако был здесь и еще один более глубокий и личный момент: дело в том, что большинство наиболее активных японских христиан того времени изначально принадлежали к самому образованному и благородному самурайскому сословию. Самураи, отличаясь консерватизмом, воспитывались на конфуцианских ценностях и впитывали их с молодых лет [1, с. 137–138]. Несмотря на официальную отмену самурайского сословия в 1876 г., образование, полученное молодыми выходцами из самурайских фамилий, продолжало оставаться классическим конфуцианским. При этом основной причиной принятия христианства для большинства из них, как это ни парадоксально, были именно патриотические соображения, в отсутствие которых их обвиняли. Понимая, что Япония находится в крайне уязвимом по отношению к Западу положении и нуждается в скорейшей модернизации для сохранения своей самостоятельности, юноши-самураи начинали изучать историю развития западных держав и приходили к выводу, что единственное, что коренным образом отличает развитый Запад от отсталой Японии, является именно христианство, воспринимавшееся ими как двигатель прогресса западной цивилизации. Именно поэтому, желая принятием христианства принести максимальную пользу своей стране, они поначалу и присоединялись к этой западной религии. Лишь со временем они открывали для себя истинные христианские доктрины и еще более укреплялись в мысли о том, что вывести Японию на западный уровень может только христианство и его подход к общественному устройству [15, с. 144].

По этой причине упреки Иноуэ в отсутствии патриотизма казались им личным оскорблением, крайне болезненным и несправедливым, настолько далеки они были от истины.

Несмотря на яростный отпор со стороны японских христиан, обвинения Иноуэ упали на благодатную почву и вынудили большинство японских христианских лидеров активно доказывать собственную лояльность правительству. В частности, большинство из них горячо поддержало Японо-китайскую войну 1894–1895 гг. Например, лидер Японской конгрегациональной церкви Кодзаки Хиромити полностью поддержал как Японо-китайскую войну, так и аннексию Кореи, назвав их Божьим провидением.

Оказавшийся на долгое время в опале Утимура Кандзо, также с воодушевлением встретивший начало Японо-китайской войны и победу в ней своей страны, был в дальнейшем жестоко разочарован японской завоевательной политикой в Корее,

² Критические статьи в адрес Иноуэ Тэцудзиро печатались в «Сэйкё симпо» регулярно начиная с 1890 года, со времени появления его официального комментария к Рескрипту.

а также последовавшей за этим Русско-японской войной. В 1904 г., отказавшись печатать прославляющие японские военные заслуги статьи в газете «Ёродзу тёхо», где он работал редактором, Утимура демонстративно уволился, не желая поддерживать ура-патриотический пыл газеты, уведя при этом за собой большую часть редакторского коллектива. За этот поступок, воспринятый как повторный акт неповиновения системе, Утимура стал впоследствии особо почитаем группой своих последователей, а также более поздними поколениями христианских верующих. Однако в то время он вновь оказался в меньшинстве — подавляющее большинство его единомышленников отказалось его поддержать.

Несмотря на ухудшение отношения властей к христианским организациям во время Русско-японской войны (1904–1905) и некоторое время после нее, в 1912 г. семь христианских лидеров были приглашены Министерством внутренних дел на встречу, названную «встречей трех религий Японии», где они присутствовали вместе с тринадцатью представителями сектантского синто и 51 представителем различных буддийских школ. Уступив требованиям правительства, присутствующие религиозные деятели согласились помогать Императорскому пути и продвигать национальную мораль. При этом христиане весьма оптимистично отнеслись к этой встрече, так как для них она означала изменение отношения к христианству и восприятие его не как чуждой или враждебной религии, а как религии, имеющей тот же статус, что и исконные японские [11, р. 38]. Однако можно было интерпретировать это и по-другому: христианство, лидеры которого показали свою лояльность правительству и с тех пор вынуждены были так или иначе ему подчиняться, просто стало восприниматься как часть общей религиозной системы Японии. В результате именно эта вторая интерпретация показала свою историческую оправданность.

Внеся христианство в список официальных японских религий, правительство получило дополнительный рычаг давления на христианские организации в стране. С этого времени лидеры христианских организаций начали окончательно утрачивать связь с западными миссиями и церквями и пропагандировать особое «японское христианство» (*ниппонтэки кирисутто-кё*), в котором важнейшую роль стали занимать националистические идеи об уникальности, непогрешимости Японии и японского императора, а также о дарованном японцам Господом исключительном праве на распоряжение судьбами других народов Азии и мира.

Заключение

После провозглашения Императорского рескрипта об образовании и проведении обязательных церемоний поклонения ему японские христиане осознали шаткость утверждения о свободе вероисповедания, а после ожесточенных споров относительно совместимости христианства с устройством Японского государства должны были переосмыслить свое отношение к национальной политике и идеологии. Их реакция на усиление национализма и укоренение идей государственного синтоизма была неоднозначной, вызвав раскол в христианском сообществе [16, р. 21]. Большая часть японских христиан была вынуждена для доказательства своей лояльности поддержать правительственный курс, причем если некоторые делали это вынужденно, то целый ряд христианских деятелей искренне поддержал идею об

уникальности Японии, божественном характере ее миссии, возможности создания в Азии Царства Божьего на земле³. По идейным соображениям миссионеры различных деноминаций отправлялись проповедовать христианство на завоеванных территориях — в Корею, Маньчжурию, на Тайване и т. д., считая, что таким образом способствуют распространению Царства Божьего на сопредельные с Японией территории. Видя такой пыл, власти сами просили христиан заниматься распространением такого «японского христианства», служащего умиротворению покоренных территорий и усиливающему над ними государственный контроль. Однако некоторые японские христиане, находящиеся, правда, в меньшинстве, в частности ученик Утимура Кандзо, экономист и философ Янайхара Тадао⁴, резко осудили экспансионистскую политику правительства и развивали идеи о том, что настоящий патриотизм состоит не в слепом следовании правительственному курсу, а в претворении в жизнь для своей страны того, что действительно будет лучше, как в моральном, так и материальном отношении.

Литература

1. Бертова, А. Д. (2018), Самураи и христианство: к вопросу о сословной принадлежности японских христиан второй половины XIX века, *Международный журнал исследований культуры*, № 4 (33), с. 132–146.
2. Бертова, А. Д. (2017), *Христианство в Японии: опыт историко-религиоведческого анализа*, СПб.: Наука.
3. Сила-Новицкая, Т. Г. (1990), *Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика*, М.: Наука.
4. Шрейдер, Д. И. (ред.) (1906), *Японцы о Японии*, СПб.: Просвещение.
5. Османов, Е. М. (2017), Особенности морального воспитания и специфика подготовки к военной службе японских школьников периода Мэйдзи (1868–1912), *Известия ДГПУ*, т. 11, № 1, с. 10–19.
6. *Иноуэ Энрё сэнсю (Избранные произведения Иноуэ Энрё)* (1991), т. 8, Токио: Тоё дайгаку сьупанся.
7. Paramore, K. (2009), *Ideology and Christianity in Japan*, London and New York: Routledge.
8. *Кёйку-ни кансүру тёкуго (Императорский рескрипт об образовании)*, Официальный сайт Министерства образования и науки Японии. URL: http://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/others/detail/1317936.htm (дата обращения: 08.08.2021).
9. Иноуэ, Т. (1890), *Тёкуго энги (История императорского рескрипта об образовании)*, Токио: Кэйгёся.
10. *Сэйкё симпо (Православный вестник)* (1890), № 239.
11. Ballhatchet, H. J. (2003) The Modern Missionary Movement in Japan: Roman Catholic, Protestant, Orthodox, in: Mullins, M. R. (ed.) *Handbook of Christianity in Japan*, Leiden: Brill, p. 35–68.
12. Иноуэ, Т. (1893), *Кёйку то сюкё-но сётоцу (Столкновение образования и религии)*, Токио: Кэйгёся.
13. Такахаси, М. (2003), *Мэйдзи-но кирисүто-кё (Христианство периода Мэйдзи)*, Токио: Ёсикава кобункан.
14. Такахаси, Г. (1893), *Хайги тэцугакурон (Отрицание ложной философии)*, Токио: Мингёся.
15. Бертова, А. Д. (2015), Некоторые аспекты влияния христианства на формирование новых принципов образования в Японии в конце XIX — начале XX в., *Asiatica: труды по философии и культуре Востока*, № 9, с. 143–149.
16. Anderson, E. (2016), *Christianity and Imperialism in Modern Japan: Empire for God*, London: Bloomsbury Publishing.

³ Одним из идеологов представления о возможности создания Царства Божьего на земле через военные победы Японии и завоевание окрестных территорий стал известный христианский лидер Эбина Дандзё, разработавший концепцию объединения христианских идей с государственным синтоизмом (подробнее см.: [17]).

⁴ Подробнее о Янайхара Тадао см.: [18].

17. Бертова, А. Д. (2018), Развитие концепции «Царства Божьего» в философской мысли Эбина Дандзэ, *Вопросы философии*, № 3, с. 187–196.

18. Бертова, А. Д. (2021), Философские взгляды Янайхара Тадао: национализм, пацифизм и концепция «справедливой войны», *Вопросы философии*, № 2, с. 187–197.

Статья поступила в редакцию 6 апреля 2022 г.;
рекомендована к печати 17 февраля 2023 г.

Контактная информация:

Бертова Анна Дмитриевна — канд. филос. наук, ст. преп.; aihong@mail.ru

Polemics on the incompatibility of Christianity with patriotism in Japan at the end of the 19th century

A. D. Bertova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Bertova A. D. Polemics on the incompatibility of Christianity with patriotism in Japan at the end of the 19th century. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 2, pp. 393–405. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.214> (In Russian)

The article aims at analyzing the course of the anti-Christian polemics at the end of the 19th century, and its influence upon the Christian community in Japan. The end of the 19th century turned to be quite difficult for Japanese Christians. Promulgation of the conservative Meiji Constitution in 1889 and the Imperial Edict on Education in 1890 marked the end of the liberal reforms and the shift to nationalistic and militarist policy in Japan. This period was characterized by anti-Christian bashing, when Christians were accused of the lack of patriotism and loyalty to the Emperor and the government, espionage, and attempts to overturn Japanese traditional ways. These accusations put Japanese Christians in a predicament and made them prove their innocence, their point of view and tenets of their religion in the eyes of the authorities, which eventually lead to a furious argument between the two sides — Christian and non-Christian communities, the latter being presented mainly by Buddhist intelligentsia, of which Inoue Enryo and Inoue Tetsujiro were the most famous. This conflict resulted in extremely painful consequences for Japanese Christians, who had to conform and support expansionist policy of the authorities thereof.

Keywords: Japan, Christian Church, patriotism, nationalism, state Shintoism, loyalty, Confucianism.

References

1. Bertova, A. D. (2018), The Samurai and Christianity: On the Question of Social Affiliation of Japanese Christians in the Second Half of the 19th Century, *International Journal of Cultural Research*, no. 4 (33), pp. 132–146. (In Russian)
2. Bertova, A. D. (2017), *Christianity in Japan: An Attempt of Historical and Religious Analysis*, St Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
3. Sila-Novitskaya, T. G. (1990), *The Cult of the Emperor in Japan: Myths, History, Doctrines, Politics*, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
4. Shreider, D. I. (ed.) (1906), *The Japanese about Japan*, St. Petersburg: Prosveshchenie Publ. (In Russian)
5. Osmanov, E. M. (2017), Features of the Moral Education and the Japanese Pupil's Military Service Training Specific in the Meiji Period (1868–1912), *Dagestan State Pedagogical University. Journal*, vol. 11, no. 1, pp. 10–19. (In Russian)

6. Inoue Enryō *Senshu (Selected Works of Inoue Enryō)* (1991), vol. 8, Tokyo: Toe daigaku siuppansia. (In Japanese)
7. Paramore, K. (2009) *Ideology and Christianity in Japan*, London and New York: Routledge.
8. Kyoiku ni kansuru chokugo (Imperial Edict on Education), *Official site of the Ministry of Education of Japan*. Available at: http://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/others/detail/1317936.htm (accessed: 08.08.2021). (In Japanese)
9. Inoue, T. (1890), *Chokugo engi (History of the Imperial Edict on Education)*, Tokyo: Keigyosha. (In Japanese)
10. *Seikyo shinpo (Orthodox Herald)* (1890), no. 239. (In Japanese)
11. Ballhatchet, H. J. (2003), The Modern Missionary Movement in Japan: Roman Catholic, Protestant, Orthodox, in: Mullins, M. R. (ed.), *Handbook of Christianity in Japan*, Leiden: Brill, pp. 35–68.
12. Inoue, T. (1893), *Kyoiku to shukyo no shototsu (The Clash between Education and Religion)*, Tokyo: Keigyosha. (In Japanese)
13. Takahashi, M. (2003), *Meiji no kirisutokyo (Christianity in Meiji Period)*, Tokyo: Yoshikawa kobunkan. (In Japanese)
14. Takahashi, G. (1893), *Haigi tetsugakuron (On Rejecting Spurious Philosophy)*, Tokyo: Minyusha. (In Japanese)
15. Bertova, A. D. (2015), Some Aspects of the Influence of Christianity on the Formation of the New Educational Principles in Japan at the End of the 19th — Beginning of the 20th Century, *Asiatica: trudy po filosofii i kul'turam Vostoka*, no. 9, pp. 143–149. (In Russian)
16. Anderson, E. (2016), *Christianity and Imperialism in Modern Japan: Empire for God*, London: Bloomsbury Publishing.
17. Bertova, A. D. (2018), Development of the Concept of the Kingdom of God in the Thought of Ebina Danjo (End of the 19th — Beginning of the 20th Century), *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 187–196. (In Russian)
18. Bertova, A. D. (2021), Philosophical Ideas of Yanaihara Tadao: Nationalism, Pacifism and the Concept of the “Just War”, *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 187–197. (In Russian)

Received: April 6, 2022
Accepted: February 17, 2023

Author's information:

Anna D. Bertova — PhD in Philosophy, Senior Lecturer; aihong@mail.ru